

Принц волков

Дэйв Гросс

Глава семнадцатая: Монастырь Вуали

Монастырь Вуали задумывался архитектором, чьи драматические инстинкты соперничали с инстинктами Веласко Морова, который оставался самым знаменитым сценографом Челишской оперы более восьмидесяти лет после своей гибели от рук толпы сторонников Дома Трун.

Монастырь с тремя ярусами башен, плавно поднимающихся из самых высоких пиков Ульказара, был свидетельством как гения инженеров, так и смелости его создателя. Во время шестисотлетнего правления Шепчущего Тирана и последовавших за ним веков гражданской войны, монастырь оставался неприкосновенным святилищем для почитателей Фаразмы и местом заключения договоров между враждующими графствами. Сегодня даже прямые соперники графа Сенира преклонялись перед его статусом епископа Ульказара и магистра монастыря.

Я не желаю описывать наше возвращение на мост Сенир даже в этом новом дневнике, страницы которого предназначены только для моих глаз. Были и другие пути, которые привели бы нас в монастырь, но даже самый лучший из них занял бы у нас гораздо больше времени, и я не мог быть уверен, что хоть один из них сможет вместить дряхлую повозку Азры. Это была мастерская лудильщика на колесах, но она не была лудильщиком. И хотя сладковатый и резкий аромат трав, которые она хранила в хижине, смягчал этот эффект, я все равно чувствовал, что в досках пола завелась плесень. За услугу по доставке меня к месту назначения, по возвращении в хранилища Абадара в Калифасе, я с радостью заплатил бы ей, чтобы она построила новую повозку. Такие мысли вернули меня к потере моей заветной повозки, воспоминаниям еще более неприятным, чем напоминание о нападении на мосту.

При дневном свете мост выглядел гораздо менее зловеще, чем во время преследования. Здесь были следы недавнего ремонта: свежие известняковые блоки заменили те, которые, предположительно, были выбиты огненным взрывом, произведенным моим забытым "я" или, что более вероятно, вызванным какой-то другой силой. Среди свежих блоков я заметил почерневшие каменные глыбы, их расположение указывало на то, что взрыв мог произойти под мостом, а не только под моей каретой. Судя только по этому признаку, можно было с уверенностью сказать, что взрыв был подготовлен заранее, до нашего прибытия.

Когда мы пересекли мост, я взглянул на реку под нами через открытые панели вагона. Падение было более ста футов, и у меня не оставалось никаких предположений о том, что Радован мог выжить после такого падения. Конечно, я всегда ценил его стойкость выше боевого мастерства, хотя последнее было немаловажным, но все же я должен был согласиться с ним, что он выжил просто чудом. Либо Десна благоволила к нему гораздо больше, чем даже он сам любил хвастаться, либо какая-то другая сила уберегла его от гибели.

Я почувствовал облегчение от того, что скзарни отказались сопровождать нас в гору, даже не успев поднять вопрос о том, чтобы оставить их позади, вместо того чтобы просить епископа приютить таких мерзавцев. Будут ли оборотни ждать нас при спуске или нет, меня не волновало. Вернее, я не мог решить, какой исход предпочесть. Если бы им можно было доверять, они могли бы стать грозными союзниками в поисках тайника лорда Вирхольта, но доверять им всем вместе было верхом глупости. Я не сомневался, что Драгос и Сезар разжигают мятеж каждый миг, когда оказываются вне поля зрения Радована, и если ее внимание позволяло предположить, что она добивается расположения моего телохранителя в

своих собственных целях, то мотивы Малены могли варьироваться от получения влияния на их "принца" до подрыва его суждений или даже проникновения достаточно близко, чтобы убить его в слабый момент. Со своей стороны, Радовану не всегда можно было доверять здравые суждения в женских вопросах, а Малена была прекрасна в своих грубых манерах.

Так мы подъехали к воротам монастыря, и только Азра вела повозку, а Арнисант преданно плелся рядом с колесами. Я взвесил, насколько неуместно позволить Радовану приехать верхом на призрачном коне, пока я сижу рядом с Азрой, но он так восхищался ездой на звере, что я не мог отказать ему в этом удовольствии. Было также интересно наблюдать за разницей между животным, которое я вызвал для себя, и монстром, который появился, когда я вызвал его для него. Вариации внешнего вида были возможны в заклинании, но я не делал этого сознательно. Мои первые эксперименты с заклинанием, к сожалению, были ограничены моим особым недостатком, но теперь я видел, что оно, похоже, реагирует не на желания заклинателя, а на какие-то невысказанные требования получателя.

Втайне мне также нравилось, как Радован время от времени проносился через Скарни, разбрасывая их и вызывая возгласы тех, кто чувствовал преданность или изображал ее, и хмурые взгляды тех, кому претило иго его узурпации. Интересно, не делал ли он это именно для того, чтобы вымыть оппозицию из рядов своих сторонников? Его ум, безусловно, достаточно остр, чтобы придумать такую уловку, хотя его уличные манеры часто скрывают всю глубину его интеллекта.

Я ожидал, что буду полагаться на его наблюдательность и проницательность в дополнение к своим собственным, когда мы вошли в Монастырь Вуали. Ворота не сразу открылись при нашем приближении, но часовые с каждой из фланкирующих башен молча смотрели на нас, арбалеты были видны, но еще не направлены на нас. Мы не слышали ни тревоги, ни криков вызова, и я знал, что их и не будет. Каждый монах в ордене давал обет молчания, не только не произнося речи, но и ступая босиком или в мягких тапочках, чтобы не нарушать мир звуком шагов. Они посвящали себя негласной мудрости Фаразмы, Владычицы Могил, хранительницы последних тайн каждой смертной души, пока она не вынесет приговор и не избавится от каждого в день его смерти. Единственным членом, освобожденным от запрета на шум, был их лидер, епископ Ульказар, также известный как граф Сенир.

Епископ прибыл за то время, которое потребовалось нам, чтобы сойти с коня и размять ноги. Я предупредил своих спутников, чтобы они оставили разговоры мне, что вызвало пожатие плечами у Радована и пренебрежительное фырканье у Азры. Я едва удержался от того, чтобы не извиниться за замечание, которое могло быть истолковано как бесчувственное к ее немоте. За последние несколько дней она не проявила никакой вежливости, заслуживающей особого внимания со стороны сверстника Челиакса.

Когда Сенир вышел из ворот, я поклонился по-усталавски. "Ваше превосходительство", - сказал я как можно тише, не прибегая к шепоту.

"Граф Джеггар", - ответил он, поколебавшись, прежде чем ответить на поклон корректно, если не пышно. "Ваше прибытие - неожиданная честь для меня".

"Простите меня за вторжение в уединение вашего монастыря", - сказал я. "Я ищу знания, которые могут находиться в вашем архиве".

"Вы, должно быть, уже знаете, что наша библиотека не предназначена для общего пользования".

"Уверяю вас, что я обращаюсь к вам с просьбой не для общего пользования", - сказал я.

Он улыбнулся с легким оттенком снисходительности. "Я имею в виду, граф Джеггар, что даже лордам Усталава запрещено просматривать наши архивы без веской причины. А вы, разумеется, не из наших земель".

Разочарованный, но еще не успокоившийся, я прибег к своему запасному плану. "В таком случае, Ваше Превосходительство, возможно, Вы позволите мне, как гостю принца Адуарда, поинтересоваться о посетителе, которого Вы принимали в начале этого года".

"Мы не принимали никаких посетителей, кроме паломников и прихожан, привозивших подношения из своих деревень".

"Я полагаю, что в начале прошлого лета был один необычный посетитель", - сказал я. "Мой коллега, Следопыт".

"Вы, должно быть, ошибаетесь", - сказал Сенир. Твердая линия его челюсти выдавала его нетерпение.

"Я так не думаю, Ваше Превосходительство", - сказал я. "Видите ли, я нашел ее дневник, в котором отмечен визит в двенадцатый день Гозрана. Возможно, вы отсутствовали во время ее визита".

Он замешкался, нахмурившись. "Я часто бываю в отъезде, занимаясь делами графства", - сказал он. "В мое отсутствие мои братья часто испытывают трудности в общении с гостями, незнакомыми с нашими обычаями".

"Конечно", - сказал я. "Тогда не могли бы вы разрешить мне изучить ваши дневные книги или опросить тех, кто присутствовал при этом?"

"Позвольте мне быть с вами откровенным, Джеггар".

"Я приветствую это".

"Вы друг графини Калифвасос, поэтому я был более снисходителен, чем мог бы быть расположен, но эти ваши действия Следопытов в лучшем случае навязчивы, а чаще провокационны или даже преступны. Наш народ почитает прошлое так же высоко, как мы почитаем наших предков. Мы не приветствуем тех, кто хочет потревожить наших призраков, которых после многовековой борьбы - великое множество. Те нарушители, которые выживают после своих приключений, заставляют нас, Усталав, терпеть нарушения, которые они вызвали."

"Ваше превосходительство, уверяю вас, мои намерения..."

"Ваши намерения, граф Джеггар, не имеют значения. Меня беспокоят ваши действия. Разве не четверо членов вашего Общества Следопытов были повешены в Барстое за гробокопательство в прошлом году?"

"Я не знал..."

"И не вы ли сами были изгнаны из столицы Катапеша за торговлю краденными статуями?"

Я был удивлен, что он слышал об этом деле. "Формально это было не изгнание, а просьба

посла, чтобы я..."

"И разве дом моего соседа и друга графа Галдана не занят войсками епископа Кавапештского после вашего недавнего визита?"

"Я только хотел бы..."

"И не вы ли владелец красной кареты, которую видели подъезжающей к мосту Сенир незадолго до катастрофического взрыва, потребовавшего дорогостоящего и опасного ремонта, чтобы дорога из Кавапешты в Калифас не была перекрыта?"

"Граф Сенир, я даю вам слово..."

"Я епископ Сенир в этом месте", - сказал он ровно. "И я предостерегаю тебя от того, чтобы ты предлагал свое слово как Следопыт".

"Нет, ваше превосходительство", - сказал я. "Я даю вам слово джентльмена, что прибыл в ваши земли не как простой охотник за сокровищами. Что касается любых беспорядков, которые произошли в результате моих путешествий, я прошу прощения".

"Я бы предпочел, чтобы вы просили прощения за свое появление, венчурный капитан".

Он не мог выразить свои чувства более ясно, и как бы мне ни хотелось еще больше обидеть столь выдающегося дворянина другой страны, я не был готов ускользнуть побежденным. Я нарисовал на своей груди спираль Фаразма и сказал: "Именем Владычицы Могил я прошу укрытия под вашей крышей и провизии на еще один день пути".

На его губах мелькнула усмешка, но потом она сменилась недоброй улыбкой. "Вы хорошо изучили наши обычаи, граф".

"Ваш народ - великий, епископ. Я изучал его культуру и историю с большим восхищением".

"У вас будет ночлег и провизия для ваших слуг и животных. Но на рассвете ты должен покинуть нас и больше не обращаться с просьбами в течение года".

Я снова поклонился. "Понял, ваше превосходительство. Я благодарю вас за гостеприимство".

К сожалению, гостеприимство Сенира не распространялось на предоставление мне комнаты, поэтому после нескольких часов выполнения определенных мер предосторожности с моей цепочкой рифленых свитков я оставил повозку Азре и сел у центрального костра на камнях внутреннего двора. Прошло уже несколько часов с тех пор, как мы нарушили пост, и мы с Радованом подкрепились полосками оленины с пиршества, устроенного оборотнями предыдущей ночью. Мы по очереди разделили трапезу с Арнисантом.

Вскоре после полудня подошел один из молчаливых монахов. Он был с головы до ног окутан в траурно-серые одежды и обратился ко мне и Радовану.

"Мы оба?" спросил я.

Монах кивнул в знак согласия. Радован постучал по стене вагона, чтобы сообщить Азре о нашем отсутствии, и мы последовали за монахом в монастырь. Мы прошли через трапезную, освещенную так тускло, что обедающие братья казались бесплотными головами, парящими над своими чашами. Их деревянные ложки не издавали ни малейшего звука, когда погружались в

суп, и монахи не произносили ни малейшего звука.

Мы поднялись по винтовой лестнице мимо двух оборонительных точек, через которые защитники могли обстреливать узкий подход к монастырю, который был в равной степени и крепостью, и святилищем. Наверху, мимо неухоженного скриптория, мы вошли в епископскую гостиную.

"Граф Джеггар", - Сенир встал из-за простого стола, на котором лежала открытая опись монастырских вещей. Только тогда мне пришло в голову, что управление делами графства, пусть и небольшого, в дополнение к делам монастыря, пусть и простого, вполне могло способствовать вспыльчивости епископа.

"Ваше превосходительство", - ответил я.

Он вздохнул и на мгновение задержал дыхание, как бы не желая произносить слова, которые он приготовил к моему прибытию. Он сказал: "Я сожалею о негостеприимном приеме, оказанном мне ранее".

"И у меня нет желания навязывать тебе свои обязанности".

"Я расспросил своих братьев о вашем Следопыте. Как вы и ожидали, она посетила нас этой весной. Однако она получила лишь однодневный приют, прежде чем продолжить путь на север к Кавапеште."

"Ты уверен?" спросил я.

"Мои братья живут, соблюдая строжайшую дисциплину", - сказал он. "Наряду с обетом молчания, они преданы совершенству в мыслях и действиях, а также абсолютному послушанию".

"Я благодарю вас, ваше превосходительство", - сказал я. Учítывая то, что я узнал о вероятной дате смерти моего Следопыта в горах Вирлич, я знал, что его слова не могут быть правдой. Более того, даже если бы я еще не решил, что его ум был точным и контролирующим, свидетельства подробных бухгалтерских книг, которые лежали перед ним, сильно утяжеляли перспективу того, что посетитель прибыл без его ведома.

"Как видите, Ваш Следопыт оставил Вам круговой след", - сказал Сенир. "Вы не можете сбрасывать со счетов вероятность того, что по возвращении в Кавапешту она поняла, что исчерпала местные ресурсы, и вернулась в Калифас, а затем и вовсе покинула Усталав".

Я вздохнул и опустил голову, чтобы ущипнуть переносицу. После паузы, которую я посчитал достаточной, чтобы создать впечатление неохотной отставки, я поднял голову и сказал: "Конечно, вы правы, ваше превосходительство. Просто я вложил столько сил в свои расследования, что вы должны понимать, как трудно отпустить концы".

"Полагаю, это один из недостатков пытливого ума, граф Джеггар".

Мы обменялись поклонами, и я вместе с Радованом последовал за послушником из гостини и спустился по ступенькам. Я поймал скрытый взгляд Радована и посмотрел на его ноги - наш знак ждать уединения, прежде чем задавать вопросы. Мы шли молча, пока со двора не донесся безошибочный звук удара плетью, заставивший нас обоих ускорить шаг. Резкий щелчок кожаного ремня нарушил спокойствие монастыря. Сопровождавший нас послушник не пытался нас остановить, и мы распахнули двери трапезной, увидев поразительную сцену во

дворе.

Рядом с костром, полностью раздетый, монах по собственной воле стоял на коленях, пока один из его братьев поднимал плеть, чтобы нанести новый удар. Спина кающегося монаха уже была вся в крови, кровь стекала по его ногам и капала на камень двора. Напротив нас Азра стояла перед парой монахов, которые преграждали ей путь к объекту наказания. Она посмотрела на меня, затем на Радована. Ее взгляд умолял нас вмешаться, но я покачал головой: "Нет". Здесь, в резиденции его власти, вмешиваться в приказы епископа было более чем бесполезно.

"Босс", - прошептал Радован. Я проследил за его подбородком до основания костра, где чернел от жара характерный корешок моего потерянного дневника Следопыта. Страницы уже превратились в пепел. Я не мог удержаться от того, чтобы не огрызнуться по поводу надругательства над ее последними написанными словами, но я сдержал свой гнев.

"Нам пора уходить", - сказал я.

Радован повернулся к Азре и написал: Где ты была?

Она озадаченно указала на ведро с водой и ответила: Скважина

"Черт побери", - шипел Радован. "Это все была диверсия, чтобы отвлечь нас от дневника".

"Не бери в голову", - сказал я. "Запрягай осла. Здесь мы больше ничего не можем получить".

Мы больше не разговаривали, пока закрепляли повозку и выезжали из монастырских ворот, все трое втиснулись на водительское сиденье, так как Радован отпустил своего призрачного коня. Дважды он начинал расспрашивать меня, но я поднял руку, призывая к терпению. Через час после того, как мы пересекли мост Сенир, я счел достаточно безопасным сделать паузу и задать вопросы. Мы спустились с повозки, и я размял ноги, прогуливаясь вокруг повозки, пока Радован распрягал осла, а Азра ставила перед животным ведро с водой.

Извини, написала Азра, когда я закончил обход вагона. Она была умна, и я чувствую, что у нее есть разумное представление о том, что произошло.

"Это не твоя вина, сестра", - сказал Радован.

Я не говорила, что это моя вина, - возмущенно ответила она.

"Никто не виноват", - сказала я, прежде чем они успели начать. "Я сразу же понял, как только мы отдали себя под его опеку, что епископ Сенир может не согласиться с тем, что я продолжаю расследование".

"Если вы знали, что они могут уничтожить дневник, - сказал Радован, - почему вы рискнули отправиться туда?"

"Потому что можно было многое узнать, пока он считал, что мы находимся в его власти".

Что? уточнила Азра. Что вы узнали?

"Ни черта", - сказал Радован.

"Наоборот", - сказал я. "Мы узнали несколько вещей".

"Вот почему он заставляет нас гадать", - вздохнул Радован.

"В других обстоятельствах это упражнение могло бы оказаться познавательным, но мы не должны медлить. Есть все шансы, что Сенир послал за нами агентов".

Радован оглянулся назад по дороге. "Я смотрел во все глаза и ничего не видел".

Я кивнул и открыл дверь повозки, забираясь внутрь. "Если они, как хвастается Сенир, посвятили свою жизнь совершенству в мыслях и делах, то я удивлюсь, если они позволят нам так скоро их заметить".

"Хорошо", - сказал Радован. "Вернемся к тому, что вы узнали".

"Во-первых, мы узнали, что епископ Сенир знал о смерти моего Следопыта".

"Вы сказали ему, что она мертва, не так ли?"

"Нет", - сказал я. "Я сказал ему только, что ее дневник у меня".

"Тогда, возможно, он просто предположил..."

Я перевел на него разочарованный взгляд, и он сдался.

"Епископ не из тех людей, которые предполагают", - сказал он. "Наблюдая за его реакцией на мое упоминание о дневнике, я отметил его удивление. Он ожидал от меня сообщения об обнаружении ее тела".

"Я не знаю, босс", - сказал Радован. "Это очень большое предположение, если только одно из твоих заклинаний не позволяет тебе читать мысли".

"Никогда", - сказал я. При упоминании о заклинаниях чтения мыслей я невольно вздрогнул. Хотя их использование значительно упростило бы многие аспекты моей профессии, само по себе это нарушение было отвратительным. "Епископ также лгал о направлении, которое она выбрала, покидая монастырь. Несмотря на недостающие страницы в ее дневнике, было ясно, что она не вернулась в Кавапешту. Чтобы добраться до старой деревни, где мы нашли ее останки, к вероятному времени ее смерти, она должна была спуститься на запад от монастыря".

"Почему ложь?"

"Моя рабочая теория заключается в том, что он заказал ее убийство".

Радован издал низкий свист, оценив масштаб нашей задачи, если епископ был против наших усилий. "Но почему бы не убить ее, когда она была в монастыре, полностью под его властью? Не похоже, что кто-то там собирался говорить".

Я нахмурился на его шутку, но сказал: "Возможно, он хотел посмотреть, куда она пойдет, и узнать, кого еще она будет расспрашивать о своих поисках".

Радован кивнул, давая мыслям улечься в голове. Потом он буркнул: "Это все равно не имеет никакого смысла. Ты сказал, что Казомир был тем, кто помог тебе идти по следу Следопыта. Кроме того, если Сенир хочет получить то, что она искала, зачем хоронить дневник?".

"Ага", - сказал я. Бросив взгляд на Азру за разрешением, я отсоединил столик лудильщика и опустил его на место. "Теперь ты коснулся сути дела. Сенир не хотел, чтобы дневник был найден. Агент, который бросил его в могилу Следопыта, должен был сделать его недоступным

для всех смертных. Поэтому он был наказан после того, как Сенир узнал, что он остался жив, и журнал был уничтожен, а не просто спрятан".

"Но он должен был знать, что ты увидишь дневник в костре", - сказал Радован.

"Согласен".

"С какой целью это сделано?"

"Из вежливости между господами", - сказал я, положив один из двух оставшихся чистых фолиантов на стол лудильщика. "Епископ Сенир предлагает мне возможность повернуть назад, прежде чем наш прямой конфликт станет неизбежным".

"Мы могли бы вернуться", - сказал Радован. "Этот дневник был последней подсказкой, по которой мы могли следовать. Если только тебе каким-то образом не удалось его запомнить".

Он прекрасно знал, что моя память, хотя и отличная, далеко не эйдетическая. Однако у меня было еще одно преимущество, о котором он не мог знать. Я с пышным видом протянул свиток и сказал: "Лучше, чем это".

Азра и Радован обменялись недоуменными взглядами, оценив мое драматическое представление. Держа свиток рядом с пустыми страницами, я пролистал его и оживил. Постепенно страницы заполнились символами, написанными безупречным почерком моего покойного коллеги. Я выпустил затаенный дыхание, благодарный и облегченный тем, что магия сохранила содержание дневника даже после того, как оригинал погиб в костре.

"Это фантастика, босс!" - сказал Радован. Даже Азра кивнул в знак признательности за мощное заклинание.

Я перевернул страницы фолианта, чтобы полюбоваться точной копией содержания похищенной книги. Когда я дошел до воспроизведения вырванных страниц, я обнаружил истинную силу заклинания кражи книги. Там, где должны были быть чистые листы, лежало недостающее содержимое дневника моего покойного Следопыта, включая наброски Лорда Вирхольта, несколько явных упоминаний о Кодексе Лакуны и приблизительные карты местности за могилой возле старого шахтерского поселка.

Я провел пальцем по крестик, которым она обозначила место своего следующего визита. Он лежал глубоко за границами запретного и призрачного Вирлича.

Подписывайтесь и поддержите мой небольшой проект!

Вконтакте: <https://vk.com/ttrpgs>

Бусты: <https://boosty.to/ttrpgs>

Спасибо за внимание!

Перевод: Senar

<http://tl.rulate.ru/book/61956/1610750>